

ЛИРИКА
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА

ЛИРИКА
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л62

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Pocket book»

Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Царевна-Лебедь» (1900 г.)
художника *Михаила Врубеля* (1856-1910)

Лирика Серебряного века. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-85459-2 (100ГК)

ISBN 978-5-699-79746-2 (Pocket book)

Серебряный век, возникший на рубеже XIX–XX столетий, — период в русской поэзии «по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий почти не имеет аналогии на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века».

Этому периоду свойственна «двуликость»: «возродивший в России искусство, глубину и красоту слова и одновременно за- таил в себе угрозу всероссийского распада».

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-85459-2 (100ГК)
ISBN 978-5-699-79746-2 (Pocket book)

© Новгородова М.И., 2016
© Пастернак Б.Л., наследники,
2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
(1853—1900)

* * *

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел:
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещей не обманет.
 Верь, проходит тень, —
 Не скорби же: скоро встанет
 Новый вечный день.

9 июля 1875

* * *

Земля — владычица! К тебе чело склонил я,
 И сквозь покров благоуханный твой
 Родного сердца пламень ощутил я,
 Услышал трепет жизни мировой.
 В полуденных лучах такую негой жгучей
 Сходила благодать сияющих небес,
 И блеску тихому несли привет певучий
 И вольная река, и многошумный лес.
 И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
 Земной души со светом неземным,
 И от огня любви житейское страданье
 Уносится, как мимолетный дым.

Пустынька. Май 1886

* * *

Потому ль, что сердцу надо
 Жить одним, одно любя,
 Потому ль, что нет отрады
 Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
 Наши сблизились пути

И с тобой, тобой одною,
Мог я счастье найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня

Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

* * *

Три дня тебя не видел, ангел милый, —
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди.

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом все в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Все гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно паришь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облако бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ
(1856—1909)

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

Я люблю

Я люблю замирание эха
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

* * *

Когда б не смерть, а забытьё,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

Что счастье?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости?*

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастье бьется,
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и ввысь оно взовьется
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознанья,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

1903

Две любви

С. В. ф.-Штейн

Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым, но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ
МИНСКИЙ
1856—1937

* * *

Не месяц за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,
Я полюбил падучую звезду,
Я полюбил небес изгнанницу больную.

Среди надменных звезд, сверкавших без числа,
Горевших, как венцы, струившихся, как реки,
Она слезой по небу потекла,
И в этот миг ее я полюбил навеки.

О, жаркая слеза полуночи немой,
Упавшая на грудь холодного эфира, —
Куда, куда, объята вечной тьмой,
Ты, одинокая, летишь пустыней мира?

Мой Гений плачущий, прикованный к земле,
Тебе во след глядит с молитвой сокровенной:
О, если б и ему блеснуть во мгле
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

* * *

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Легкий ветер в кустах вдруг в веселии пьяном
Полетит над землей ураганом...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут недвижно среди темного свода,
И висеть будет ночь без исхода...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки порвется...

* * *

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
Быть может, мы отвержены судьбой.
В одно, друзья, в одно я верю свято,
Что каждый век быть должен сам собой.

Нет, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлых дней.
Мы, отрицая, так же служим Богу,
Как наши предки — верою своей.

Пускай мы пьем из ядовитой чаши.
Но если Бог поставил миру цель,
Без нас ей не свершиться. Скорби наши —
Грядущих ликований колыбель.

Мои сомненья созданы не мною,
Моя печаль скрывается в веках.
Знать, вера предков родилась больною
И умереть должна у нас в сердцах.

Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
Сомнений яд хочу испить до дна.
Лишь то, чем мы живем, для нас священно —
И пусть придут иные времена!

* * *

Я влюблен в свое желанье полюбить,
Я грущу о том, что не о чем грустить.
Я земную повесть знаю наизусть.
Мир, как гроб истлевший, страшен или пуст.

В проповеди правды чую сердцем ложь,
В девственном покое — сладострастья дрожь.
Мне жалка невинность, мне презренен грех,
Люди мне чужие, я — чужее всех.

Лишь одно отринуть чувство не могу,
Лишь одну святыню в сердце берегу,
Возмущенье миром, Богом и судьбой,
Ужас перед ближним, страх перед собой.

* * *

Нет счастья, как весною ранней
Завянуть почкой молодой,
С любовью к солнцу, с верой чистой,
Что ветры ласковы всегда,